

РАЗВИТИЕ СЕЛА И ЭВОЛЮЦИЯ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В ПОСЛЕСТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД**

В статье рассмотрены особенности развития сельского хозяйства СССР в период правления Н.С. Хрущева. Показано, что все попытки его реформирования, несмотря на свою прагматичность, не могли дать долгосрочного эффекта. Причины неудач социалистической аграрной политики коренились прежде всего в подмене реальных социально-экономических ориентиров умозрительными, идеологическими.

Ключевые слова: сельское хозяйство, хрущевский период, аграрные преобразования, социалистическая экономика, кризис, целинные земли, модернизация.

В отечественной историографии в годы горбачевской перестройки без особых споров и аргументации сложилось мнение, что Н.С. Хрущев в 1950-е гг. избрал самый консервативный вариант реформирования экономики и, более того, упустил шанс выйти из социализма [1, с. 12; 2, с. 6]. Такая постановка вопроса предполагает реальное существование в тех исторических условиях других, более радикальных и, стало быть, более эффективных вариантов модернизации народного хозяйства. Некоторые авторы считают, что таким альтернативным вариантом мог быть комплекс идей, предложенных Г.М. Маленковым в 1953 г., в первую очередь тех из них, которые были связаны с реформированием аграрного сектора [3, с. 645–646]. Идеализация давней позиции Маленкова в развитии аграрной сферы рядом отечественных историков, на наш взгляд, связана, с одной стороны, с переоценкой значимости личного подсобного хозяйства (ЛПХ) в качестве альтернативы колхозам, желанием рассматривать его в качестве самостоятельного (частного) сектора в социалистической экономике. А с другой – с отождествлением его позиций с более поздними взглядами китайских реформаторов [4, с. 64–65]. Но фактически это совершенно разные подходы. У Маленкова нет четкого отказа от коллективной формы собственности, от колхозов, от жестко централизованной вертикали управления сельским хозяйством. Вслед за Сталиным Маленков не видел других серьезных источников финансирования ВПК, кроме аграрной сферы. Колхозная же форма позволяла осуществлять полный контроль над производством и распределением сельскохозяйственной продукции, изымать из деревни максимум возможного. Сторонники «маленковской альтернативы» явно переоценивают субъективное желание Маленкова идти в тот момент на глубокое реформирование советской экономики [3, с. 644–647]. Сам по себе факт побед Н.С. Хрущева весной 1953 г. и летом 1957 г. над более сильными соперниками, хотя и неявно, подтверждает этот вывод. Новый советский лидер в силу своих личных качеств и особенностей биографии и карьеры смог лучше своих конкурентов уловить послевоенные ожидания как в целом всего общества, так и слоя бюрократии, на который он опирался.

---

* © Шестаков Владимир Алексеевич (igiran@mail.ru), Институт российской истории РАН, 117036, Российская Федерация, г. Москва, ул. Д. Ульянова, 19.

** Статья подготовлена при поддержке Гуманитарного научного фонда. Проект № 10-01-00348 а.

Именно Н.С. Хрущев оказался способен на диалог с народом. Как показывает анализ писем во власть, мемуаров и сводок органов госбезопасности, подавляющая часть советских граждан, включая и диссидентов [5, с. 63], разделяла в этот период социалистические ценности, считала, что социализм еще не показал всего, на что способен. (Согласно утверждениям многих участников правозащитных и либеральных групп, они утратили веру в «социализм с человеческим лицом» после 1968 г., когда советские танки вторглись в Чехословакию, подавив реформы «пражской весны».) В целом в общественных настроениях тех лет отторжение отживших сталинских реалий, социальных устоев парадоксально сочеталось со стремлением построить новую жизнь, утвердить «ленинские принципы».

Таким образом, рубеж 1950-х гг. не был отмечен массовым разочарованием советских людей в социалистической идеологии. Не носили массового характера и антиколхозные настроения. Эти общественные иллюзии предопределили и победу в борьбе за власть, и вектор всех последующих преобразований Хрущева, глубину его реформ, в том числе и нововведения в аграрной сфере. Советская система в целом сохраняла стабильность и жизнеспособность. По этой причине в те годы не был возможен не только выход из социализма, но и серьезные заимствования форм западной демократии. Иными словами, есть все основания считать, что кризис конца 1940 — начала 1950-х гг. носил не системный, а модернизационный характер. А следовательно, вне субъективных намерений Л.П. Берии или Г.М. Маленкова к этому моменту отсутствовала политическая и иная «почва» для радикальных реформ. Позиция Н.С. Хрущева в аграрном вопросе в основных чертах сформировалась в первые послевоенные годы и в целом базировалась на известных марксистских догмах о преимуществе крупного общественного производства в сельском хозяйстве, о неперспективности мелкособственнического производства. Тем не менее во многих случаях Хрущев больше доверял в этом вопросе своей интуиции и здравому смыслу. Как свидетельствуют новые документы, особенно из личного архива Н.С. Хрущева, многие принимаемые им в годы «оттепели» решения имели вполне прагматическую основу и зависели от объективных причин в гораздо большей мере, чем это принято считать в историографии. Также объективные условия, а вовсе не «волютаризм» Хрущева определяли и выбор объектов реформирования, и их последовательность. Ставка на подъем сельского хозяйства и, соответственно, резкий рост уровня жизни населения страны являлись в тех условиях единственно правильным решением. Хрущев был первым советским политиком, понявшим роль и значение аграрного сектора экономики. 14 пленумов ЦК по сельскому хозяйству с 1953 по 1964 гг. — свидетели попыток своего рода аграрной революции в менталитете партийно-советских кадров всех уровней, адептом которой был Хрущев. Сельское хозяйство стало для него главной сферой приложения сил и энергии и в известной мере полигоном для «обкатки» идей по модернизации экономики страны. В то время как Сталин в начале 1950-х гг. призывал «приучить колхозы, чтобы они больше думали об общественном деле [6], Хрущев, в своей известной статье, опубликованной 4 марта 1951 г. в «Правде» «О строительстве и благоустройстве в колхозах», первым решительно выступил против двойной занятости крестьян. Первым сказал, что деревня очень плохо живет в материальном смысле, что колхозники тоже люди и хотят хорошо жить [7, кн. 2, с. 13]. Вопреки широко распространенному мнению, именно этот акцент, а не строительство пресловутых агрогородов, главный в статье.

Несмотря на полувековую дистанцию, вопрос об эффективности аграрной политики Хрущева и характере ее влияния на эволюцию мобилизационной системы остается во многом дискуссионным и заслуживает более серьезного и широкого подхода. Исторический опыт говорит о том, что долгосрочный и глубокий кризис сельского

хозяйства — родовая черта социалистической модели хозяйствования. Очевидно также, что успешность реформ зависит от многих причин: от времени начала реформ, от готовности к ним власти и населения, от ограничений ресурсного и структурного порядка [7, кн. 2, с. 18–19].

Многие исследователи (например, Русинов [8]) исходят из представления о целостности аграрного курса, проводимого Хрущевым в 1953–1964 гг. На наш взгляд, это суждение справедливо лишь в том, что Хрущев искренне хотел поднять производительные силы советской деревни, повысить благосостояние крестьян. В действительности, если исходить не из лозунгов и обещаний, а конкретных итогов аграрного курса и влияния его на эволюцию экономических и политических институтов, в реализации реформатором аграрной политики следует различать два качественно различных периода.

На первом, с весны 1953 и до начала 1960-х гг., дефицит продовольствия становится главным стратегическим вызовом для власти, важнейшим фактором обеспечения внутренней стабильности страны. Колхозно-совхозная система на рубеже 1950-х гг. переживала острый все нарастающий кризис, в основе которого находились неравноправные отношения города и деревни, несовершенство экономических отношений на селе. За счет неэквивалентного обмена из деревни в 1946–1953 гг. были изъяты огромные средства порядка 105 млрд руб. [9, с. 288]. Главная проблема состояла в том, что население страны продолжало расти, а сельскохозяйственное производство к 1953 г. оставалось на уровне 1926–1929 гг. В 1953 г. зерна было заготовлено на 375 млн пудов меньше, чем в 1940 г. [10, с. 85]. Усиливающееся отставание сельского хозяйства от других секторов экономики отрицательно сказалось на развитии всего народного хозяйства. Деревня требовала принятия неотложных мер. Вопреки сложившимся представлениям, послесталинское руководство СССР обладало достаточно скромными возможностями для исправления ситуации с дефицитом продовольствия, поскольку неэффективность советского сельского хозяйства изначально была задана социалистической моделью индустриализации [11, с. 161]. В отличие от рыночной экономики, власть не могла серьезно изменять цены на продовольствие для решения структурных проблем. Многие годы одной из главных целей социально-экономической политики государства было поддержание стабильных розничных цен на продукты питания. В рамках существующих социалистических институтов не подлежал обсуждению и вопрос о роспуске колхозов. По существу, у власти не было выбора: хлеб был нужен немедленно, а не через годы. В 1953 г. в СССР было заготовлено 31 млн тонн хлеба, а потреблено 32 млн. В этих условиях Хрущев вполне осознанно остановил свой выбор на массовом освоении целины. Защищая свою позицию, Хрущев в мемуарах приводит простой, но чрезвычайно весомый аргумент: «Надо просто знать о состоянии зернового хозяйства в те годы, о нашей нехватке зерна» [7, кн. 4, с. 79]. «Мы должны выиграть время, — заявил он на июньском пленуме ЦК КПСС 1954 г., — чтобы получить нужное количество хлеба в центральных областях страны, потребуется не менее 10 лет...» [12, с. 331–334]. Выбор в пользу целины им был сделан не столько в силу желания осваивать новые земли, сколько из-за невозможности в тех условиях хозяйствовать по-новому. В условиях непосильной гонки вооружений, чрезвычайно низкой культуры земледелия в большинстве хозяйств, слабого развития химической индустрии, бюрократизации аппарата управления лишь освоение целинных земель сулило быструю отдачу и позволяло хотя бы на время снять остроту продовольственной проблемы. Как впоследствии свидетельствовал В.М. Молотов, уверенный в том, что, пока существует империализм, простые граждане не могут жить хорошо: «...Все хотели передышки, полегче пожить». Хрущев «отразил (потребительские) настроения подавляющего большинства...» [13, с. 311, 367].

Главное — выбор Хрущева в пользу освоения целинных земель опирался на знание специфики командной системы, на ее мобилизационные возможности. Освоение целины явилось критическим поворотом в развитии советского сельского хозяйства, переходом от изъятия средств из сельского хозяйства к вливанию в него государственных средств. Поворот к целине означал не столько отказ от интенсивных методов ведения сельского хозяйства и усиление административных мер, сколько стратегический поворот в области бюджетной политики советского государства. Возрастающий поток материальных и финансовых ресурсов устремился на село. Хрущев фактически меняет вектор развития советской системы, отказывается от целого ряда сложившихся еще в 1930-е гг. приоритетов в экономике.

В результате в аграрном секторе начался компенсационный рост, который продолжался до начала 1960-х гг. Определенный вклад в этот рост внесли и личные подсобные хозяйства, освобожденные в январе 1958 г. от обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству [14, с. 188]. За десятилетие с 1953 по 1963 гг. валовая продукция сельского хозяйства возросла в сопоставимых цифрах на 63 % [15, с. 260]. По данным В.Г. Растянникова, ее среднегодовой прирост в среднем за десятилетие составил более 5 %. Среднегодовой же прирост сельскохозяйственной продукции в «заготовительно-закупочных ценах» 1952 г. за семь лет (1952–1959) зафиксирован в 7,95 %. Иными словами, роста такой интенсивности аграрный сектор страны не знал по меньшей мере последние полтора века. Этот совершенно небывалый по интенсивности экономический рост в агросфере позволил государству сосредоточить в своих «закромах» значительное количество сельскохозяйственного продукта, предназначенного для превращения в товарную массу [16, с. 45], что в принципе позволяет положительно оценить развитие аграрной сферы в рассматриваемый период. Однако государственные субсидии не только не устранили механизмов затратного воспроизводства в аграрном секторе экономики, а, напротив, расширяли практику затратности, усиливая зависимость экономического роста от объема субсидий. В свою очередь, постоянный рост доли сельского хозяйства в объеме капитальных вложений отрицательно сказывался на бюджетном финансировании высокотехнологичных отраслей. Сделав в первой половине 1950-х гг. акцент на решении хозяйственных проблем, повышении жизненного уровня, жилищном строительстве, Хрущев смог на время стабилизировать политический режим. Проводя хозяйственные реформы, он действовал главным образом мобилизационными методами. Хрущев иных и не знал. Эти методы единственно возможны для силой навязываемой политики. Его безграничная вера в возможности «колхозного строя», предубежденность против любой личной собственности наряду с причинами системного характера не позволили выстроить научно обоснованную аграрную политику. Вместо того чтобы открыть инициативу снизу, позволить проявиться крестьянской сметке, использовать семейные формы землепользования, т. е. предоставить крестьянам выбор, определенную свободу организации, колхозникам в приказном порядке навязывали посевы кукурузы и другие нововведения.

В 1961 г. Хрущев провел почти четыре месяца в разъездах по стране, пытался в ручном режиме управлять страной, но перелома в развитии народного хозяйства не добился, что неотвратимо приводит его к выводу: реформы 1953 г. окончательно выдохлись, исчерпали себя так же, как и целина [17, с. 704]. Сделано оказалось недостаточно, чтобы заставить экономику, особенно сельское хозяйство, работать без внеэкономического принуждения. Попытки создать работающую систему, в которой стержнем становилась провозглашенная Хрущевым материальная заинтересованность, иными словами, работа ради личной выгоды, натолкнулись на непреодолимые препятствия докринального и ментального свойства. С этого вывода начинается второй

и последний этап хрущевского реформирования. Чтобы сохранить, власть у реформатора имелись две возможности: максимально увеличить давление сверху или сделать систему саморазвивающейся. Первый вариант был принципиально невозможен в силу нарастающего давления «снизу». Преобразования Хрущева дали гражданам возможность почувствовать вкус свободы, и уже никакие дальнейшие попытки «закручивания гаек» не могли отбить этот вкус. Новочеркасская трагедия продемонстрировала, что люди потеряли доверие к власти и больше ни на какие жертвы даже ради самого светлого будущего не пойдут. Второй вариант требовал кардинальной перестройки основ советской системы, изменения отношений собственности и т. п., что также не отвечало на тот момент массовым настроениям и интересам правящих элит. Для выхода из социализма требовалось не только время. Прежде всего необходимо было освободиться от стереотипов и идеологических догм целой исторической эпохи, найти необходимую форму и содержание реализации процесса трансформации в экономической и социальной сферах.

Потеряв значительную часть поддержки общества, Хрущев продолжил поиски направлений модернизации аграрной сферы методом проб и ошибок. И на закате своей карьеры он мыслил социалистическими категориями. Определенный поворот в мировоззрении Хрущева, который некоторыми исследователями трактуется как поворот от реформ к трансформации, начинается на рубеже 1960-х гг. [17, с. 771]. С этим тезисом нельзя безоговорочно согласиться, однако некоторые инициативы советского лидера в потенциале могли иметь далеко идущие последствия для судеб модернизационной системы. Стремясь заставить устойчиво функционировать разбалансированную непрерывными реорганизациями экономику страны, Хрущев осенью 1962 г. продолжает линию на «профессионализацию управления экономикой». Для того чтобы партийная власть руководила хозяйством со знанием предмета, он предложил разделить партийные организации по производственному принципу, создав два обкома КПСС: сельский и промышленный [18, с. 77]. На ноябрьском пленуме ЦК 1962 г. секретари обкомов, а именно они доминировали в ЦК, проголосовали «за», но для Хрущева эта победа оказалась пирровой. Обкомы и райкомы не собирались сдавать позиции. Благодаря созданию совнархозов с середины 1950-х гг. реальная власть, и не только на местах, сосредотачивалась у партийных функционеров. Весь штат сталинского контроля от начальников территориальных управлений госбезопасности МВД, прокуратуры до облстатуправлений был отдан практически в руки территориальных парторганов. Территориальным парторганам подчинялись также и органы народного контроля. В итоге верховная власть получала лишь ту информацию, которая устраивала парторганы. В итоге Хрущев утратил обратную связь со своей главной опорой — бюрократическим аппаратом. Не знал, что реально происходит в стране. Разделение парторганов на промышленные и сельские должно было восстановить эти связи, заставив обе структуру конкурировать между собой. Разделение парторганов создавало ситуацию «двух хозяев», которая, по мнению Г.Х. Попова, при определенных условиях могла привести к «утрате полной бесконтрольности начальства или... к двухпартийной системе» [19, с. 126]. Фактически же решение разделить территориальные парторганации на промышленные и сельские стало последней каплей для номенклатуры. Серьезные противоречия между первым секретарем ЦК КПСС и стремившейся к стабильности «партийной» бюрократией обозначились еще весной 1962 г. Партийную номенклатуру всерьез обеспокоила передача полномочий от сельских партийных органов, руководящих, по словам Хрущева, «всем вообще», профессиональным управленцам из межрайонных производственных колхозно-совхозных управлений. А еще раньше совнархозы стали оттеснять обкомы от управления промышленностью. Из категории вождей они переходили в категорию помощников. Смириться с этим секретари райкомов и обкомов не могли. Несмотря на титанические усилия,

Н.С. Хрущеву не удалось добиться коренного перелома в развитии сельского хозяйства. Последние годы его правления были отмечены нарастанием трудностей с продовольствием. Реформирование сельского хозяйства окончательно зашло в тупик.

Эксперименты в перестройке управления сельским хозяйством продемонстрировали нереформируемость социалистического сельского хозяйства. Причина неэффективности аграрных преобразований всего хрущевского времени, на наш взгляд, коренится в подмене реальных социально-экономических ориентиров умозрительными, идеологическими, но других подходов в этот период и быть не могло. Главный итог хрущевского десятилетия состоит в том, что власть, идя навстречу ожиданиям масс, разрушила систему сталинского принуждения, но так и не нашла средств адекватно замещающих террор в управлении социалистической экономикой. Одиннадцатилетний хрущевский период «бури и натиска» (достаточно успешный в плане результатов социально-экономического развития) показал, что модель «либерального коммунизма» в целом, безусловно, более гуманная и комфортная для простых тружеников, столь же тупиковая и бесперспективная, как «тоталитарная» сталинская модель.

Библиографический список

1. Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М.: РАГС, 1998. 734 с.
2. Попов Г.Х. Упущенный шанс (К 50-летию XX съезда КПСС) // Московский комсомолец. 2006. 22 февраля.
3. Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: Terra—Кн. клуб, 2000. 586 с.
4. Ночевкина Л.П. Будет ли в России «экономическое чудо»? М.: Стрелец, 1999. 120 с.
5. Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953–1985. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. 448 с.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 83. Оп. 1. Д. 8. Л. 113.
7. Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания: в. 4 кн. М.: Моск. новости, 1999.
8. Русинов И.В. Неперспективная деревня: От догмы к истине // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8. С. 50–63.
9. Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Сельскохозяйственная динамика. XX век. М.: ИВ РАН, 1999.
10. Докладная записка Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС 22 января 1954 г. // Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Речи и документы: в 5 т. Т. 1. М., 1962.
11. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
12. Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства: в 8 т.; Т. 1. М., 1962.
13. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: ТЕРРА, 1991. 623 с.
14. СССР в цифрах: стат. сб. М., 1958.
15. Народное хозяйство СССР в 1965 году: стат. ежегодник. М., 1966.
16. Растянников В.Г. Особенности экономического роста в аграрном секторе России. 30–90-е годы. XX века // Вопросы статистики. 2002. № 8. С. 41–58.
17. Хрущев С.Н. Никита Хрущев: реформатор. М.: Время, 2010. 1080 с.
18. Пленум ЦК КПСС. 19–22 ноября 1962 г.: стенограф. отчет. М., 1963.
19. Попов Г.Х. Реформирование нереформируемого. Попытка Алексея Косыгина. М.: Междунар. ун-т, 2009. 528 с.

*V.A. Shestakov****THE DEVELOPMENT OF RURAL SETTLEMENT AND EVOLUTION
OF MOBILIZATION ECONOMY IN THE POST STALIN'S YEARS**

In the article the peculiarities of development of agriculture of the USSR in the period of ruling of N.S. Khrushchev are viewed. It is shown that all the attempts of its reformation notwithstanding all pragmatism couldn't give the lifelong effect. The causes of failure of socialist agrarian policy were based, first of all, in the replacement of real social and economic guidelines by speculative, ideological ones.

Key words: agriculture, period of N.S. Khrushchev, agriculture reforms, socialist economy, crisis, virgin regions, modernization.

---

* *Shestakov Vladimir Alexeevich* (iriran@mail.ru), the Institute of Russian History of RAS, Moscow, 117036, Russian Federation.